

КТО ЗНАЕТ ВСЕ, НЕ ЗНАЕТ НИЧЕГО

Один мой знакомый попробовал однажды поступить в ГИТИС на театроведческий факультет. "О чем, Вы думаете, была написана пьеса "Вишневый сад?" - спросили у него. "О любви," - ответил он. Его не приняли. В рассуждениях о пьесе Мрожека "Любовь в Крыму" можно зайти в какие угодно дебри, совершенно потеряться и уже никогда не выбраться из коварных чеховско-горьковских аллюзий и полуцитат, из исторических несоответствий и... Бог весть, куда еще способна завести мерная поступь театроведческой мысли, равно как и ее синкопоподобные перескоки и взбрыкивания. А Козак, который поставил эту пьесу на большой сцене МХАТа имени Чехова, говорит, что его спектакль - о любви в Крыму. Да и не сложно было рассматривать ее как абсурдистскую или пуше того, хулиганскую, выходя на святые /думаю, что для Козака, как и для Феклистова- безо всякой иронии/ подмостки Художественного театра, где было много всего, разного, но случалось и великое. А потому поверим на слово. Хотя, на первый взгляд, где тут - о любви?

К чему к любовному сюжету карикатурный Владимир Ильич, выскакивающий на звук ружейного выстрела (Захедрин-

ский - Феклистов устало утешает, - это, мол, не "Аврора", "Аврора" будет позже и в Петербурге, - и Ленин уходит восвояси. Куда? - В историю, в историю...), к чему эти прыжки во времени - 1910-ый, 28-ой, начало 90-ых, зачем...? Так много лишнего! - Как в жизни.

Козак и Феклистов, любящие

своего поколения, вернулись вместе на большую сцену МХАТа. Вместе со своими любимыми соавторами, Мрожеком и Леонардом Буховым, переводчиком и другой пьесы Славомира Мрожека, "Эмигрантов", с которой когда-то начался их триумфальный путь. Пьесу "Эмигранты" - о парижской жизни двух беглых поляков - загнали тогда в подвал, чутились намеки на здешнюю невзрачную мрачную житуху. "Любовь в Крыму", уже поставленная в Польше и там же разруганная за незнание русской жизни, кажется, написана современным советским драма-

тургом.

Важно ли было для Романа Козака такое узнавание? Думаю, что не очень, хотя в биографии Валерия Левентали расчет на узнавание есть. Важнее для Козака, и для Левентали, и для Феклистова была не пародия, а среда, которую и со-

здать, и сыграть им удалось. Не Чехов, не Гд-

шением, вниманием, чем живой, кукольно-карикатурный Ленин, который точно чертик из табакерки вскакивает в сюжет и так же стремительно выталкивается обратно мерным - другим - течением сюжета. ("А я, батенька, знаю все! - говорит Ленин, ушлетая ложками варенье, при этом вступая в заочный спор с чеховскими сестрами. И спор этот проигрывает.) Ритмы и настроения, аккуратно и плотно подогнанные, сменяют друг друга, как разнонаправленные порывы ветра - где-то там, на юге, в Крыму, когда этим сменам нет сил придавать значение, лишь отмечаешь их палимой солнцем кожей. Странно было ругать эту пьесу за нерусскость. Или это Козак сделал ее такою - родной? И Феклистову, и Золотовицкому, и Добровольской играть ее не вчуже. Любовь в Крыму так и не случается, все не ладится в истории, которая все время заявляет о своем намерении оступиться в любовный бред, в страшный сон, от сцены к сцене со все большей откровенностью. Но влюбленным все же дано встретиться и, может быть, быть счастливыми - за чертой их земной, и без того сильно растянувшейся жизни. Патефон поднимается над влюбленными. Но музыка играет не весело и не бодро.

Григорий Заславский.

Первая работа Романа Козака на сцене МХАТ вызвала столкновения в "благородном семействе"

критиков.

к и й обыгрываются и под-
вергаются насмешке в первом акте - здесь всем места хватает, все живут по соседству. И даже Ленин, персонаж другой истории /Истории!/, присоседился к краю. Ведь история, даже когда мы не участвуем в ней и старательно избегаем ее, не идет сама по себе, но иногда ее можно "уговорить" не захватывать нас с потрохами. История у Мрожека то вылетает кубарем на авансцену, то проплывает по самому заднику, то "выносятся" в виде куклы - она кукольна по природе, и кукла - Ленин в ней более отщеплена, оживлена - окружением, добрым отно-

6.95

Козак Роман